

УДК 811.161.1

**К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ
КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ДИСЦИПЛИНЕ**

Э.А. Балалыкина

Аннотация

В статье анализируются случаи наиболее яркого взаимодействия между лексическим значением слова и его грамматическим оформлением, которые могут привести к неполноте или дефективности парадигмы и являются основным содержанием грамматической лексикологии. Особое внимание уделяется параллелизму подобных отношений в словоизменительных категориях имени и глагола. Выясняются причины «грамматических тупиков» для отдельных грамматических форм, определяются основные направления в их преодолении.

Грамматическая лексикология представляет собой такую лингвистическую дисциплину, содержанием которой является взаимодействие лексического и грамматического уровней языка в процессе его развития. К сожалению, в современной русистике отсутствуют работы, специально посвященные подобному взаимодействию, необходимость изучения которого не вызывает сомнения. Как известно, семантика слова предопределяет внутренний динамизм грамматической системы, активно участвуя в формировании и развитии отдельных грамматических категорий. Вместе с тем динамика и характер лексических процессов во многом зависят от категориальных грамматических признаков. Согласно известному высказыванию В.В. Виноградова, «изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны, без учета лексических и грамматических значений невозможно» [1, с. 12].

Идея системности языковых явлений и, как следствие, необходимости системного рассмотрения этих явлений была выдвинута и отражена в научных принципах Казанской лингвистической школы, постулированных И.А. Бодуэном де Куртенэ. В своих работах он отмечал, что «стороны языковой жизни (фонетической, семасиологической и морфологической) тесно связаны и взаимодействуют друг с другом». Бодуэновское положение о системности в языке, не приемлющее категоричности и жесткости системных противопоставлений, приводит к признанию наличия пограничных, взаимодействующих участков разных систем. В этом отношении показательным является известное мнение И.А. Бодуэна о том, что «в языке – как и вообще в природе – весьма трудно проводить какие бы то ни было границы». На необходимость учета переходных звеньев в системе языка обращали внимание также Н.В. Крушевский и В.А. Богоро-

дицкий. В частности, Н.В. Крушевский призывал к рассмотрению языка как одного гармонического целого, подчеркивая, что «любая словесная категория находится в зависимости со многими другими в языке». Важной представляется также известная идея Бодуэна о неразрывной связи синхронии и диахронии в изучении языковых явлений: «Статика языка есть только частный случай его динамики». Рассмотрение языка как системы позволило представителям Казанской лингвистической школы (КЛШ) выйти в те сферы, которые стали осознаваться как первостепенные только в конце двадцатого столетия. Это касается прежде всего положения о единстве лексического и грамматического и их интегральном освещении в языковедческих трудах, что должно послужить основой для исследования грамматической истории отдельных лексем, групп слов и словообразовательных категорий в рамках грамматической лексикологии. Изучение данной проблемы открывает перспективу глобальных лингвистических исследований, связанных с описанием органической взаимозависимости семантики и грамматики как двух сосуществующих и взаимообусловленных языковых категорий.

Как известно, слово возникает в единстве грамматических и лексических признаков, то есть, выражая определенное лексическое значение, объединяясь с другими словами в семантические или лексико-тематические группы, оно одновременно включается в определенные грамматические разряды, так или иначе воздействуя на развитие соответствующих грамматических категорий [2, с. 3].

В русском языкознании лексика и грамматика изучены достаточно полно как самостоятельные языковые системы. Этому способствовал подход, позволяющий описывать лексику и грамматику изолированно друг от друга, поскольку лексика и грамматика имеют собственную организацию и свои особенности отражения, выражения и передачи информации. Однако многие грамматисты замечали «сопротивление» лексического материала при описании собственно грамматических явлений, приводящие к противоречиям грамматического свойства, и наоборот, лексикологи обнаруживали особенности грамматического функционирования при описании собственно лексико-семантического материала. Однако традиционная грамматика и лексикология решали проблему соотношения грамматики и семантики в ином плане – в плане, связанном с выявлением и описанием грамматической и лексической семантики слова, хотя при этом за основу принималось положение, согласно которому слово рассматривалось как единство лексического и грамматического значений. В результате проблема их взаимосвязи и взаимодействия не получала всестороннего системного осмысления. Поэтому традиционный подход, в целом, не позволял проникнуть в те законы, которые связывают грамматику с лексической системой, выявить функции грамматических категорий и их членов по отношению к ней, определить механизм описания лексико-грамматических классов слов той или иной части речи. Но лексическая семантика и грамматика не должны рассматриваться изолированно, поскольку без учета их взаимодействия невозможно «проникнуть в те законы, которые сложно и многоступенчато связывают систему грамматических категорий и форм с лексической системой» [3, с. 13].

В настоящее время накоплен значительный языковой материал в области взаимодействия лексики и грамматики, позволяющий выделить такой аспект описания языковой системы, когда в центре внимания оказываются грамматические особенности слова (грамматические категории, словоформы) в отношении к лексической семантике слова.

Рассмотрение языковых единиц на основе связей, существующих между семантикой и грамматикой, особенно наглядно обнаруживается при описании отдельных частей речи и присущих им грамматических категорий и, соответственно, – парадигм. Это касается прежде всего такого важного класса слов, как имена существительные со всей присущей им системой словоизменения и глагола, который, по словам Н.Ю. Шведовой, является «доминантой русской лексики», поскольку глагол – это центр грамматической и семантической структуры предложения. При всем многообразии принципов выделения частей речи во главу угла обычно ставятся лексический и грамматический, однако в целом ряде случаев неясно, какой подход является ведущим при отнесении к числу существительных слов, изменяющиеся по числам, падежам и относящиеся к одному у из трех родов, но обладающих разной лексической семантикой: *дом* – как название предмета и *бег* как название действия, *стол* как название предмета и *синева* как название признака и т. д. Не случайно некоторые исследователи относят слова типа *бег* к субстантивным формам глагола, а слова типа *синева* к субстантивным формам прилагательного [4, с. 53, 114, 148, 154].

Механизм взаимодействия лексической и грамматической семантики определяется принципом их совместимости. Если грамматическое значение категории или формы не противоречит лексическому значению слова, то оно включается в план его выражения, если же в языке наблюдается противоречие между ними, то оно, как правило, разрешается в пользу лексического значения, поскольку грамматическая форма или категория исключается из этого плана.

Вот почему в центре внимания грамматической лексикологии должно быть представление о парадигме, её закономерностях или различных отклонений от них, полноты или неполноты, дефектности или избыточности форм, входящих в её состав. При этом под парадигмой мы понимаем совокупность регулярно образуемых грамматических форм, присущую какой-либо части речи или какой-либо категории [5, с. 17–18]. Так, говоря о парадигме категории падежа существительного, имеют в виду двенадцать грамматических форм: шесть – единственного числа и шесть – множественного числа; говоря о парадигме категории лица глагола, имеют в виду шесть основных противопоставлений: три формы в ед. числе и три – во множественном; в пределах категории времени три основных формы (настоящее, прошедшее и будущее время), в пределах категории вида – два основных противопоставления: совершенный и несовершенный вид, в пределах категории наклонения – три основных противопоставления, связанных с реальностью-нереальностью действия (изъявительное, повелительное и сослагательное) и т. д. Парадигма, имеющая полный набор словоизменяемых форм, называется полной. Парадигма, имеющая неполный набор словоизменяемых форм, называется неполной, или дефектной. Неполнота набора форм устанавливается путем сопоставления имеющихся форм с полной парадигмой словоизменения той же части речи. Предметом граммати-

ческой лексикологии является такая дефектность парадигмы, которая обусловлена семантическими причинами и является результатом противоречия между формой и содержанием того или иного слова. Подобная дефектность устанавливается при сопоставлении с полной и закономерной парадигмой словоизменения этого слова. Своеобразие парадигмы у того или иного слова связано с его принадлежностью к определенному лексико-грамматическому разряду.

Например, существительные *стол, гора, зерно* имеют 12 словоизменительных форм, по 6 падежных форм в ед. и мн. числе. Для них характерна полная парадигма в пределах категории падежа и числа. Глаголы *везти, читать, поднимать* также имеют полную парадигму в пределах категории лица, времени, залога или наклонения, то есть 6 личных форм в ед. и мн. числе настоящего времени, 3 временных формы, 2 залоговых, 3 – наклонения и т. д.

Существительные типа *мед, рожь, героизм, стыд, листва* как названия веществ, отвлечённых понятий и собирательных наименований обладают неполной парадигмой, поскольку их лексическое значение не позволяет иметь формы мн. числа. Они имеют только шесть падежных форм ед. числа. Лишь семантические преобразования, происходящие в том или ином слове (чаще всего окказионально) позволяют им приобретать числовые противопоставления. Например, у И.А. Бунина: «Запахли медом **ржи**, На солнце бархатом **пшеницы** отливают» или у Е. Евтушенко: «Как Россия подзастряла – ни туды и ни сюды. Вместо стройматериала – лишь **стыды, стыды, стыды**». Существительные же типа *сливки, каникулы, духи* по той же семантической причине имеют только шесть падежных форм мн. числа, то есть их парадигма также неполная. Таким образом, стандартное подразделение существительных на две группы в пределах категории числа – *singularia tantum* и *pluralia tantum* – основывается на их лексическом значении, которое не позволяет слову иметь стандартное для существительных противопоставление в пределах категории числа.

Невозможность образования отдельной формы может быть связана связана со структурными, формальными, орфоэпическими причинами (труднопроизносимым стечением согласных). Так, слова *мечта, пригоршня, распря* имеет неполную парадигму, так как у этих слов отсутствуют формы род. падежа мн. числа в связи с трудностью их образования. По той же причине не образуют формы род. падежа мн. числа существительные женского рода с общим значением лица типа *кума, княжна, госпожа, карга* или с предметным значением: *корчма, кошма, чадра, сума, фата* и др. Указанная форма оказывается для приведённых слов «грамматическим тупиком». Правда, кроме фонетической причины, определенную роль играют и такие факторы, как малая употребительность и стилистическая ограниченность подобных существительных. Но, безусловно, решающее значение приобретает именно фонетический фактор, связанный с труднопроизносимым и сложным стечением согласных, который препятствует образованию формы род. падежа мн. числа. Иногда, наоборот, у существительных существует только форма род. падежа мн. числа, что делает парадигму крайне ущербной и неполной. Так, слова *щец, дровец* употребляются только в одной форме – род. падеж мн. числа, прочие падежные формы у них отсутствуют.

В некоторых случаях оказывается затрудненным для существительных I-го склонения винительный падеж ед. числа. Здесь необходимо отметить прежде всего существительные с увеличительными суффиксами *-ище*, *-ина* и др. Существительные с суффиксом *-ище*, образованные от имен первого склонения (одушевленных и неодушевленных), склоняются по тому же образцу, что и обычные существительные мужского и среднего рода, поскольку указанный суффикс не изменяет родовой принадлежности существительного. Отсюда *волк – волчище, волчища, волчищу, волчища, волчищем* (мужск. род, одушевл.); *человек – человечище, человечища, человечищу* и т. д. (мужск. род, одушевл.); *голосище – голосища, голосищу, голосище, голосищем* и т. д. (мужск. род, неодушевл.), *плечо – плечище, плечища, плечищу, плечище* и т. д. (средний род, неодушевл.), *чудовище, чудище* (средний род, одушевл.). Редко употребляются существительные с тем же суффиксом, оформленные по II-му склонению: *дядища – дядищи, дядище, дядищу, дядищей* и т. д. (при варианте – *дядище, дядища* и т. д., переводящем слово *дядище* в соответствии с родом в первое склонение). Своеобразным «тупиком» для подобных существительных является вин. падеж ед. числа, который легко и свободно образуется от существительных неодушевленных (*слышу могучий голосище*), но с большим трудом может быть образован от существительных одушевленных (*вижу огромного волчища – флексия I-го скл. или волчищу? – флексия II-го скл.*, которая может появиться у этого слова по аналогии). Точно так же трудно построить фразу: *Ленин видел во Льве Толстом матерого человечища? человечищу? человечище?* Ещё большие затруднения вызывает образование формы винительного падежа для неодушевленных существительных, оформленных увеличительным суффиксом *-ина* и выступающих в сочетании с согласованным определением. Слова на *-ина*, как известно, также сохраняют род производящего слова: *дом > домина* (мужск. род). Склоняясь по второму (женскому) типу склонения, подобные существительные должны приобретать в вин. падеже флексию *-у* (*домину*), но в этом случае согласуемое прилагательное не может быть использовано в форме вин. падежа, совпадающей с формой им. падежа, поскольку существительное неодушевленное: *огромный домина – вижу огромный домину? Огромного домину?* Выход из подобной ситуации подсказал Маяковский, изменивший в вин. падеже род соответствующего суффиксального существительного: *мою краснокожую паспортину* (им. падеж должен выглядеть так: *краснокожий паспортина*).

Глаголы в пределах той или иной категории также могут обладать как полной, так и неполной парадигмой, и некоторые формы для них оказываются «тупиковыми». Так, лексическое значение глаголов несовершенного вида, обозначающих постоянный признак, свойство или качество чего-либо, не позволяет им иметь полную временную парадигму. Ср. *огонь горит, крапива жжется, лед тает* и т. д. Глаголы *горит, жжется, тает* не имеют форм будущего и прошедшего времени, поскольку они не выражают действия, актуализированного во времени. Их парадигма неполная. Лишь дополнительные актуализаторы, чаще всего временного характера, способны привести к контекстуальному употреблению временных форм приведенных глаголов с некоторым изменени-

ем их семантики. *Огонь вчера долго горел, крапива будет летом сильно жечься, лёд долго таял* и т. д.

По признаку грамматического лица все глаголы делятся, как известно, на собственно-личные, несобственно-личные и безличные. В некоторых случаях формы настоящего и простого будущего у глаголов 1-го и 2-го лица отсутствуют, что также связано с их лексическим значением, которое не позволяет иметь субъекта действия в виде неодушевленного предмета, и в этом случае приходится говорить о неполной их парадигме в пределах категории лица: *булькать, влажнеть, капать, кипеть, мелькать* и др. Субъектом подобных действий не может быть какое-либо лицо. То же касается глаголов, называющих природные физические процессы типа *веять, ржаветь, тлеть, цвести* и др. или действия животных: *блеть, фыркать, нестись, щениться, ржать, мяукать* и т. д., они также не могут иметь указанных форм 1-го и 2-го лица, поскольку их значение не связано со значением действующего субъекта. Лишь при соответствующем переосмыслении, окказионально, при определенной стилистической окраске подобные формы способны использоваться в ограниченном количестве контекстов в так называемом переносном значении: *я киплю* (от негодования), *ты ржешь* (очень громко смеешься), *ты цветёшь* (прекрасно выглядишь) и т. д.

Не имеют личных форм 1-го и 2-го лица глаголы, называющие процессы, происходящие в природе: *вечереть, ветвиться, светать, сквозить, гаснуть, осыпаться* и др., поскольку они обозначают такие действия, семантика которых не допускает сочетаний с действующим субъектом. Не имеют форм 1-го и 2-го лица глаголы с общим значением «виднеться в каком-либо цвете»: *белеть, чернеть, желтеть* и т. д.; *белеться, чернеться, желтеться, светлеться, зеленеться, темнеться* и т. д. Неупотребительность форм 1-го лица в ряде случаев связана с иными причинами: омонимическим отталкиванием совпадающих форм 1-го лица у разных глаголов. Например, возможная форма 1-го лица *держит* > *держу* или *бузит* > *бужу* совпала бы с формой 1-го лица у глагола *держать* > *держу* или *будить* > *бужу*.

В русском языке существуют глаголы, которые обозначают действие вне указания на деятеля, субъекта. Это так называемые безличные глаголы, или глаголы с нулевым выражением категории лица, которые указывают на явления природы и окружающей среды: *вечереет, морозит, светает, смеркается* и т. д.; называющие неконтролируемое, стихийное физическое или психическое состояние человека и живого существа: *мутит, знобит, лихорадит, дремлет, дышится, живётся, терпится – слюбится* и т. д.; обозначающие наличие или отсутствие чего-нибудь, вызванное внешними обстоятельствами: *хватает, недостаёт* и т. д. По своей форме в настоящем и будущем времени безличные глаголы могут быть соотнесены с формой 3-го лица ед. числа личных глаголов, то есть характеризуются теми же личными окончаниями. Эти формы используются для выражения безличности как наиболее нейтральные, наименее выразительные. Таким образом, словоизменительная парадигма лица у глаголов зависит от их лексических значений или фонетических особенностей, которые позволяют или не позволяют иметь ту или иную форму лица; следовательно, глагольная парадигма может быть как полной, так и неполной, дефектной.

Неполная парадигма у глаголов, как и у имен существительных, может быть и по структурной, или формальной, причине: так, у некоторых глаголов типа *галдеть, голосить, шкодить, победить, убедить, шелестеть* и др. отсутствует форма первого лица ед. числа. Невозможность её образования связана с фонетическими (орфоэпическими) причинами. При необходимости выражения этих значений используется описательный способ типа *сумею победить* [7, с. 409].

Неполную парадигму имеют некоторые глаголы в пределах категории наклонения. Как известно, формы повелительного наклонения обозначают различные виды волеизъявления, прежде всего приказ. Естественно, что приказать можно только живому существу, а точнее – человеку. Следовательно, глаголы, обозначающие признаки неодушевленных предметов, не могут включать в состав парадигмы наклонения эти формы. Их образованию препятствует лексическое значение глагола, лишний раз подтверждающее факт тесной взаимосвязи лексического и грамматического значений в слове. Вот как об этом писал ещё Г. Павский: «Глагол *могу* не имеет повелительного наклонения, потому что возможность или невозможность действий не состоит в человеческой власти. По той же самой причине и глагол *хотеть* не имеет повелительного наклонения» [6, с. 234]. Но ср. у И.А. Крылова старая форма: *И слабого обидеть не моги*. Теоретически возможна, но неупотребительна форма повелительного наклонения от глаголов, выражающих действие, которое не может совершаться по воле субъекта: *бредить, весить, видеть, выглядеть, значить, знобить, мочь, преобладать, слепнуть, устать, ходить, хотеть* и др., или выражающих действие, субъектом которого не может быть лицо (оно связано только с предметом): *бодрить, булькать, стоить, гнить, рассветать* и др. По этой же причине не имеют повелительного наклонения и безличные глаголы.

Парадигма может быть избыточной, когда она содержит большее количество форм, чем в полной парадигме словоизменения той или иной части речи. Например, слово *человек* обладает избыточной парадигмой числа и падежа, поскольку во мн. числе у него возможны вариативные формы: *пять человек, пяти человекам, пятью человеками* и т. д. и ср. *люди, людей, людям, людьми* и т. д., в одном и том же контексте: *много человек – много людей* (см. [8, с. 15–16]).

То же явление можно отметить и для глагола. Так, глаголы 1-го непродуктивного класса, инфинитивная основа которых оканчивается на *-а-*, причем этот *-а-* отсутствует в основе настоящего времени: *лгать (лгу), орать (ору), рвать (рву), сказать (скажу), прятать (прячу)* и др., активно взаимодействуют с глаголами 1-го продуктивного класса также с инфинитивной основой на *-а*, который сохраняется в основе настоящего времени: *читать (читаю), гулять (гуляю), мешать(мешаю), двигать (двигаю)* и др. В силу сходства инфинитивных форм глаголы 1-го непродуктивного класса с 1-м продуктивным классом указанные выше глаголы способны приобретать двойные формы для выражения значения одного и того же лица. Взаимодействие между 1-м продуктивным и 1-м непродуктивным классом приводит к параллелизму форм и проявляет себя в их стилистическом употреблении в 3-м лице ед. и мн. числа: *рыска-*

ет/рыщит, рыскают/рыщут, полоскает/полощет, полоскают/полощут, капает/каплет, связывает/связует, двигает/движет и т. д. Последние два глагола в указанных вариантах уже семантически дифференцированы: **двигает** что-либо в пространстве, но им **движет** чувство патриотизма; **связывает** два узла, но **связует** (устаревшее и патетическое), отсюда – **связующее** звено между кем, чем-либо. Часть подобных глаголов окончательно перешла в 1-й продуктивный класс: *мурлычут* > *мурлыкают*, *страждут* > *страдают*, *ичут* > *икают* и др. Некоторые непродуктивные глаголы сохраняют старые формы лишь в специальном стилистическом употреблении, постепенно переходя в продуктивные. Так, глагол *страдать* окончательно закрепился в языке как глагол 1-го класса. Ср. *страдаю* и (уст.) *стражду*: *Я плачу, я страдаю, не выплакать горя в слезах* (Кукольник). *Ты грустна, ты страдаешь* душою (Некрасов).

Словоизменительная парадигма может быть перекрещивающейся, когда два различных слова или две словоформы имеют частично общие парадигмы. Так, устаревшее *занавесь* и заменившее его в современном языке *занавес* имеют парадигмы то по первому, то по третьему склонению: *занавеси* – *занавеса, занавесью* – *занавесом*. Ср. у Л. Толстого: *В партере прошли на места запоздавшие мужчины и поднялась занавесь*. Глаголы *стлать* и *стелить* в настоящем времени имеют одну парадигму *стелю, стелешь* и т. д., а в прошедшем времени их парадигмы перекрещиваются: *стлал* – *стелил*.

Таким образом, взаимодействие лексической и грамматической семантики определяется принципом их совместимости. Если грамматическое значение категории или формы не противоречит лексической семантике слов, то тогда оно включается в их план выражения, и наоборот: если наблюдается между ними противоречие, то оно разрешается в пользу лексического значения, поскольку грамматическая категория или грамматическая форма исключается из плана выражения данных слов.

Summary

E.A. Balalykina. To the question of grammatical lexicology as an independent linguistic discipline.

The article deals with the most vivid cases of interaction between the lexical meaning of a word and its grammatical form, which can result in incompleteness or defectiveness of a paradigm and which presents the matter of grammatical lexicology. Special attention is paid to the parallelism of such relations within the scope of inflectional categories of the noun and the verb. The author finds out the reasons for “grammatical deadlocks” for some grammatical forms and suggests the principal ways to overcome them.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
2. Грамматическая лексикология русского языка. – Казань, 1978. – 188 с.
3. *Шведова Н.Ю.* Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и словаре. – М., 1984.

4. Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. – Тамбов, 2001.
5. Балалыкина Э.А. Современный русский язык. Морфология. Часть I. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 172 с.
6. Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка. – 1842.
7. Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка. – М., 2000.
8. Чеснокова Л.Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора. – М.: Высш. шк., 1991.

Поступила в редакцию
01.03.06

Балалыкина Эмилия Агафоновна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.

E-mail: Emilia.Balalykina@ksu.ru